

АКАДЕМИЯ
РАЗБИТЫХ ЗЕРКАЛ

OleTTa Vi

Академия разбитых зеркал

<https://litres.ru/73937374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они видят тебя изнутри. И они очень голодны. Элиас был обычным сиротой, пока однажды на чердаке приюта реальность не треснула, как старое зеркало. Один неосторожный взгляд — и он оказывается в Академии разбитых зеркал, жутком месте, парящем над бездной. Здесь магия не в словах, а в отражениях, а время отсчитывает раскаленный хронометр. В этом мире действует лишь одно правило: отражение всегда голоднее оригинала. Элиасу предстоит узнать правду об исчезнувшей сестре, впитать черный свет первородного Блика и бросить вызов Магистру, крадущему чужие жизни. Но сможет ли он сохранить себя, когда его собственная тень начнет шептать приказы врага? Грандиозный финал тома переворачивает всё: резкий прыжок во времени на 12 лет вперед вытолкнет героя в мир победившей «Стеклянной лихорадки», где на него объявлена тотальная охота. Вас ждут: темная атмосфера, био-хоррор и уникальная магия.

Содержание

ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ ПРАВДЫ	4
ГЛАВА 2. КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ ТЕНИ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

OleTTa Vi

Академия разбитых зеркал

ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ ПРАВДЫ

Элиас смотрел в треснувшее зеркало на старом чердаке, и в этот момент время внутри него заложило уши, как при резком погружении в ледяную воду.

Чердак приюта «Серые холмы» был кладбищем забытых вещей, местом, где пыль наслаивалась десятилетиями, превращаясь в серый, бархатистый войлок. Здесь пахло старым деревом, изъеденным жуком-точильщиком, едкой мышьиной мочой и тем специфическим, металлическим ароматом застоявшегося времени, который можно встретить только в домах, где никто никогда не смеется. Воздух был настолько плотным, что казалось, его можно резать ножом — тяжелый, липкий, пропитанный безнадежностью сотен сирот, когда-то искавших здесь убежища. Сквозь щели в черепице пробивались косые лучи заходящего солнца, в которых танцевали миллиарды пылинок, каждая из которых казалась микроскопическим миром, застывшим в вечном падении.

Зеркало, стоявшее в самом темном углу под скатом крыши, казалось чужеродным объектом, вырванным из какой-то

другой, более величественной и мрачной реальности. Оно было огромным, высотой почти в два человеческих роста, в тяжелой раме из мореного дуба. Древесина рамы за столетия почернела и приобрела маслянистый блеск обсидиана. Резьба на ней была пугающей: переплетенные тела существ, чьи конечности переходили в когтистые лапы, а вместо лиц были пустые зеркальные диски. Казалось, рама — это не просто украшение, а клетка, судорожно сжимающая то, что находилось внутри стекла. Но всё внимание Элиаса было приковано к трещине.

Она рассекала зеркальное полотно по диагонали, идеально ровная, как след от удара бритвой по самой ткани мироздания. Из этого разлома несло не затхлостью чердака. Оттуда веяло первобытным холодом звездных бездн и резким, колючим ароматом озона. Так пахнет воздух за мгновение до того, как ослепительная молния расколает вековое дерево, превращая его в пепел. Этот запах вызывал у мальчика странный зуд в зубах и заставлял волосы на затылке вставать дыбом.

Элиас медленно, почти гипнотически, протянул руку. Его пальцы, испачканные в меловой пыли, дрожали. В единственном луче солнца его ладонь казалась почти прозрачной, лишенной плоти — лишь хрупкие тени костей под бледной кожей. Подушечка указательного пальца коснулась самого края трещины.

В ту же секунду реальность содрогнулась.

Звуки приюта — далекие, приглушенные крики детей, играющих во дворе, звон грязных тарелок в столовой, вечный, надсадный кашель миссис Грин — всё это мгновенно захлебнулось в абсолютной тишине. Наступила такая тишь, в которой Элиас начал слышать физическую работу собственного тела: скрип суставов, гул крови в венах и оглушительный стук своего сердца, который теперь напоминал удары молота по наковальне.

Тук-тук... Тук-тук...

Но с каждым новым ударом звук менялся. Он становился более сухим, металлическим. Тик-так... Тик-так...

Старый медный хронометр в кармане его поношенных брюк — единственная вещь, оставшаяся от его исчезнувшей сестры Миры — внезапно ожил. Часы не ходили три года, с той самой ночи, когда сестра просто испарилась из запертой комнаты, оставив после себя лишь запах лаванды и ледяной узор на окне. Сейчас хронометр не просто тикал — он вибрировал, раскаляясь до такой степени, что ткань кармана начала дымиться. Жар проникал сквозь кожу, обжигая бедро, но Элиас не мог пошевелиться.

— Ты видишь её, да? — прошелестел голос.

Это не был звук, передающийся через воздух. Голос возник прямо в черепе Элиаса, холодный и тонкий, как укол иглы. Мальчик присмотрелся к своему отражению. Его левый

глаз, оставшийся по эту сторону трещины, был карим. Но правый глаз... в отражении за разломом он стал абсолютно белым, лишенным зрачка. В нём кружился вихрь серебряной пыли, напоминающий миниатюрную галактику.

И там, в глубине этого вихря, он увидел её.

Мира стояла прямо за его спиной в за зеркальном пространстве. На ней было то же серое клетчатое пальто, но её лицо было бледным, как невымытый мел, а из уголков глаз медленно стекали капли густой, черной жидкости. Она приложила палец к своим губам. Этот жест отозвался в голове Элиаса стоном разбиваемого хрусталя.

— Не моргай, Элиас, — её шепот был едва различим. — Если ты моргнешь, Тень поймет, что ты её видишь. И тогда она займет твое место раньше, чем ты успеешь закричать.

Воздух вокруг зеркала начал густеть. Пылинки внезапно замерли, застыв в пространстве, а затем начали медленно перестраиваться, образуя сложные геометрические узоры — октаэдры и спирали. Элиас почувствовал, как поверхность зеркала под его пальцем становится вязкой, как ртуть. Оно начало медленно, по миллиметру, засасывать его палец внутрь. Холод был таким невыносимым, что мальчику показалось, будто его кровь превращается в колючие кристаллы льда.

В глубине зеркального коридора, далеко за плечом Мира,

возникло нечто еще. Тень. Она была огромной, бесформенной и неестественно черной. Она активно поглощала свет вокруг себя, оставляя лишь серые контуры реальности. Тень тянула свои длинные, изломанные конечности к разлому. Элиас понял с леденящей ясностью: эта тварь хочет выпить его мир через эту трещину.

В этот момент дверь чердака внизу содрогнулась от удара такой силы, что всё здание приюта жалобно застонало.

— ЭЛИАС! ТЫ ГДЕ, ЧЕРТОВ МАЛЬЧИШКА?! — вопль миссис Грин был полон не ярости, а первобытного ужаса.

Её тяжелые шаги по лестнице звучали как удары молота по крышке гроба. Элиас попытался выдернуть руку, но стекло держало его мертвой хваткой. По его предплечью начали быстро ползти морозные узоры, кристаллизуясь прямо на коже.

— Отпусти! — закричал он, но его горло выдало лишь сухой хрип.

Дверь на чердак распахнулась. Миссис Грин замерла на пороге, тяжело дыша. Лампа в её руке дрожала так сильно, что тени на стенах начали бешено метаться. Она посмотрела на Элиаса, на его руку, исчезающую в зеркальной глади, и её

лицо стало землисто-серым.

— Отраженный... — выдохнула она. — Оно вернулось за тобой.

Керосиновая лампа выпала из её пальцев. Стекло разбилось о гнилые доски с резким звоном, и ярко-синее пламя мгновенно побежало по пыли. Но огонь вел себя неестественно. Он потянулся к зеркалу, всасываясь в трещину, словно в центр черной дыры.

И тогда из зеркала высунулась рука. Она была длинной, бледной, с когтями из чистого льда. Она схватила Элиаса за воротник и с нечеловеческой силой дернула на себя. Мальчик почувствовал, как его голова и плечи погружаются в ледяную ртуть зеркала. В этот последний миг он увидел, как в дверном проеме соткалась фигура высокого человека в длинном плаще.

Человек поднял трость, и время остановилось.

ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ ПРАВДЫ (Часть 2: Застывший крик)

Мир не просто остановился — он стал твердым. Элиас чувствовал это кожей. Воздух, который мгновение назад был податливым и прозрачным, теперь напоминал густое, холодное желе. Пылинки, застывшие в лучах закатного солнца, ви-

сели в пространстве неподвижными точками, похожими на рой микроскопических насекомых, пойманных в янтарь.

Самым жутким был огонь. Синие языки пламени, выплеснувшиеся из разбитой лампы миссис Грин, застыли в нелепых, острых изгибах. Они не колебались, не издавали ни звука. Элиас видел каждый пузырек в кипящем керосине, каждую искру, замершую в дюйме от сухих, изъеденных жучком половиц. Пламя было холодным на ощупь, как театральный реквизит, сделанный из крашеного стекла.

Человек в дверном проеме медленно опустил ногу на пол. Его шаг не вызвал скрипа досок. Казалось, он шел не по дереву, а по самой тишине.

— Ты задаешься вопросом, почему сердце всё еще стучит, когда всё остальное замерло? — голос незнакомца не дрожал в воздухе, он рождался прямо в основании черепа Элиаса, низкий, вибрирующий, как рокот далекого обвала. — Это потому, Элиас, что ты — Осколок. Твоё время не принадлежит этому миру. Оно всегда было... заимствованным.

Незнакомец подошел ближе. Теперь Элиас мог рассмотреть его во всех пугающих подробностях. Его плащ цвета мокрого сланца казался живым; полы одежды медленно перетекали, словно сотканы из дыма и тяжелых грозовых туч. Лицо было высечено из бледного камня: острые скулы, прямой, как лезвие бритвы, нос и глаза, в которых не было зрачков. Вместо них там вращались крошечные зеркальные дис-

ки. В каждом из этих дисков Элиас видел тысячи отражений самого себя — в некоторых он плакал, в других кричал, а в третьих... в третьих у него не было лица.

Магистр Корвус поднял свою трость. Набалдашник в виде вороньего когтя сжимал мутный хрустальный шар, внутри которого, как в ловушке, билась крошечная фиолетовая молния. Он коснулся кончиком трости ледяной бледной руки, которая всё еще сжимала воротник Элиаса, пытаясь утащить его в зазеркалье.

Раздался сухой, неприятный треск, похожий на звук ломающейся кости. Бледная конечность мгновенно рассыпалась мелкой алмазной крошкой, которая зависла в воздухе, не желая падать.

Элиас рухнул на колени. Ледяная хватка исчезла, но на месте прикосновения когтей на его шее остались серые пятна, от которых исходил легкий пар. Он жадно хватал ртом воздух, но тот был неподвижен, его приходилось буквально заталкивать в легкие силой.

— Кто... кто вы? — хрипло выдавил мальчик, содрогаясь от озноба, который шел из самой глубины его существа.

— Моё имя — Магистр Корвус. Я Хранитель Равновесия Отражений и твой единственный шанс не превратиться в серую пыль на этом чердаке, — Магистр прошел мимо застывшей миссис Грин. Он остановился и длинным, изящным

пальцем коснулся капли пота, застывшей на её кончике носа. Капля звякнула, как хрусталь. — Посмотри на неё, Элиас. Она ненавидит тебя не потому, что ты плохой ребенок. Она ненавидит тебя, потому что в твоих глазах она видит то, чем является на самом деле — пустую оболочку, чья душа давно сточена мелкими грехами и страхом перед нищетой.

Корвус повернулся к зеркалу. Трещина в стекле начала медленно пульсировать багровым светом.

— Знаешь ли ты, что такое приют «Серые холмы»? — Магистр обвел тростью комнату. — Это не благотворительное заведение. Это фильтр. Сюда стекаются те, чьи отражения стали слишком тяжелыми для обычной реальности. Те, кто «трещит». Твоя сестра Мира поняла это первой. Она была умнее тебя, Элиас. Она знала, что за этим зеркалом нет рая. Там только бесконечная анфилада комнат, где эхо питается голосами живых.

Элиас сжал кулаки. При упоминании сестры жар от хронометра в его кармане стал почти нестерпимым.

— Где она? Если вы знаете столько, скажите — она жива?

Корвус склонил голову набок, и его зеркальные глаза блеснули.

— «Жива» — это слово для тех, у кого есть плоть и кровь. Мира теперь — идея. Она — осколок, который пытается собрать себя заново. И ты — последний элемент её пазла. Она звала тебя через это зеркало не из любви, Элиас. Она звала тебя, чтобы спастись самой. В нашем мире любовь всегда имеет острые края.

Магистр сделал шаг назад и взмахнул плащом. Туман, исходивший от его одежды, начал заполнять чердак, поглощая застывшее пламя, старые сундуки и парализованную директрису.

— Сейчас я позволю времени возобновить свой бег, — голос Корвуса стал тише, но весомее. — Огонь поглотит это здание. Через десять минут здесь останутся только обугленные балки и пепел. Весь мир будет считать, что сирота Элиас сгорел заживо. Это лучший подарок, который я могу тебе сделать — свободу от твоего прошлого.

— А другие дети? — крикнул Элиас, вскакивая. — Том, маленькая Сара... они же внизу!

— Отражения не горят, Элиас. Горит только мусор, — Магистр протянул руку в перчатке из тончайшей кожи, которая на ощупь напоминала чешую змеи. — Выбирай. Остаться здесь и стать пеплом в летописях этого города, или шаг-

нуть в мир, где твои глаза будут видеть истинную форму вещей. Но предупреждаю: назад дороги нет. Твоё старое отражение умрет в ту секунду, когда мы переступим порог.

Элиас посмотрел на синее пламя, которое вот-вот должно было ожить. Он вспомнил три года в этом склепе, бесконечные коридоры, пахнувшие хлоркой, и чувство, что он медленно исчезает, растворяется в серости будней. Он посмотрел на зеркало, где в трещине всё еще мерцал белый глаз его «другой» версии.

Он вложил свою ладонь в руку Магистра.

— Хорошо, — прошептал Корвус, и его губы растянулись в подобии улыбки, которая больше напоминала шрам. — А теперь... закрой глаза. И не открывай их, пока не почувствуешь запах грозы.

Магистр резко ударил тростью о пол.

Звук вернулся с яростью урагана. Воздух взорвался ревом пламени. Элиас услышал, как миссис Грин закричала — долго, пронзительно, прежде чем звук её голоса был поглощен треском рушащихся перекрытий. Но он не чувствовал жара. Он чувствовал, как земля уходит из-под ног, а пространство вокруг него сворачивается в тугую спираль.

Это не было движением в пространстве. Это было падение сквозь смыслы.

Когда он снова смог дышать, он обнаружил, что сидит на мягком шелковом сиденье. Вокруг была тишина, прерываемая лишь странным, ритмичным звуком — клац-клац-клац, — словно по камню стучали не копыта, а гигантские костяные спицы.

Элиас открыл глаза. Он находился внутри экипажа, но карета была устроена так, как не мог бы вообразить ни один земной каретник. Стены были обиты черным бархатом, который при ближайшем рассмотрении оказывался живым мхом, медленно пульсирующим в такт движению. Вместо ламп под потолком висели стеклянные сферы, внутри которых металась пойманная шаровая молния.

Напротив него сидел Корвус. Его лицо в этом магическом свете казалось еще более нечеловеческим.

— Мы проезжаем через Грань, — произнес он, кивнув на окно.

Элиас прильнул к стеклу. Вместо улиц города он увидел нечто, от чего у него перехватило дыхание. Они ехали по мосту, сотканному из застывшего дыма. Внизу, в бездне, проплывали облака, но они не были белыми. Они были зеркальными, отражая перевернутые города, леса из хрусталя и моря, текущие вверх. Приют «Серые холмы» остался далеко внизу — крошечная тлеющая точка на ткани реальности, которая быстро затягивалась серым туманом.

— Посмотри на свои руки, мальчик, — тихо сказал Магистр.

Элиас опустил взгляд. Его пальцы теперь светились изнутри слабым, призрачным светом. А хронометр в кармане больше не тикал. Он вибрировал, и на его медном циферблате вместо цифр начали проступать буквы, складываясь в слова на языке, который Элиас никогда не учил, но почему-то понимал:

«ПЕРВОЕ ПРАВИЛО: ОТРАЖЕНИЕ ВСЕГДА ГОЛОДНЕЕ ОРИГИНАЛА».

ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ ПРАВДЫ (Часть 3: Путь через Изнанку)

Фраза на хронометре продолжала гореть перед глазами Элиаса, даже когда он отвел взгляд от циферблата. Экипаж Магистра Корвуса не просто катился по мосту из дыма — он пожирал пространство, с каждым рывком всё глубже уходя в Изнанку. Внутри кареты вновь воцарилась та вязкая тишина, которую Элиас заметил с самого начала. Это была тишина бездны, в которой каждый вдох казался слишком громким. Черный мох на стенах, пульсирующий в такт невидимому сердцу, продолжал источать свой дурманящий аромат — смесь сырой земли и ночного жасмина...

— Не прислоняйся к стеклу слишком плотно, — предостерег Корвус. Он сидел совершенно неподвижно, его трость с хрустальным набалдашником покоилась на коленях, как спящая змея. — Окна сделаны из «слепого льда». С этой стороны они прозрачны, но с той — они показывают прохожим их самые сокровенные кошмары. Если твой взгляд задержится на чем-то слишком долго, это «что-то» может заметить тебя.

Элиас сглотнул. Горло саднило, словно он наглотался битого хрусталя. Он всё же осторожно взглянул в зеркальную щель окна.

То, что он увидел, не поддавалось описанию на языке обычных людей. Они ехали не по улицам родного города. Город превратился в «изнанку» самого себя. Здания из красного кирпича и серого камня здесь выглядели как скелеты огромных животных, обтянутые полупрозрачной кожей. Вместо фонарей вдоль дорог стояли высокие, суставчатые существа, чьи головы-фонари испускали тусклый, мертвенно-зеленый свет. В этом свете тени прохожих — если их можно было так назвать — жили своей жизнью: они отрывались от ног своих хозяев, танцевали, дрались или просто замирали, глядя вслед пролетающему экипажу.

— Кто эти люди? — прошептал Элиас, не в силах отвести

взгляд от фигуры женщины, чья тень в этот момент не спеша душила её саму.

— Это не люди, — Корвус даже не повернул головы. — Это Отраженные. Те, кто потерял свои оригиналы, но отказался исчезнуть. Они живут в промежутках между вашими секундами, питаюсь крохами ваших эмоций. В Академии ты научишься не просто видеть их, но и повелевать ими. Или, если окажешься слаб, станешь одним из них.

Внезапно экипаж резко тряхнуло. Раздался звук, от которого у Элиаса заныли коренные зубы — пронзительный, вибрирующий скрежет металла по стеклу. Снаружи, прямо по зеркальной поверхности окна, прочертили борозды пять длинных, черных когтей.

— Нас нашли, — констатировал Магистр, и в его голосе впервые проскользнула нотка холодного интереса, как у хирурга, обнаружившего редкую опухоль.

— Кто?! — Элиас вжался в спинку сиденья.

— Слушатели Пустоты. Тени, у которых нет хозяев, — Корвус медленно поднял трость. — Они почуяли твой хронометр. Для них искра, которую ты носишь в кармане, — это маяк в вечной ночи.

Снаружи раздался вой. Это не был волчий или человеческий крик — это был звук разрываемой ткани, усиленный в тысячи раз. Экипаж снова накренился. Элиас увидел, как сквозь обшивку потолка начинает просачиваться нечто черное и вязкое, похожее на живую сажу. Оно капало на пол, и там, где капли касались мха, тот мгновенно чернел и рассыпался прахом.

— Смотри на меня, Элиас! — властно приказал Корвус. Его зеркальные глаза начали вращаться с бешеной скоростью, отражая вспышки молний в сферах под потолком. — Не смотри на потолок! Твой страх — это их плоть. Если ты дашь им свой страх, они обретут форму прямо здесь, внутри.

Элиас зажмурился, но страх был не в мыслях — он был в самом воздухе. Он чувствовал, как холодные пальцы тьмы тянутся к его сознанию, пытаясь выудить воспоминания о Мире, о пожаре, о запахе хлорки в приюте.

— Я... я не боюсь! — закричал он, хотя его голос дрожал так, что слова едва можно было разобрать.

— Ложь, — холодно заметил Магистр. — Бояться — это естественно. Но Осколочный Маг должен уметь превращать свой страх в лезвие. Достань хронометр. Быстро!

Элиас дрожащими руками вытащил медный прибор. Тот был настолько горячим, что кожа на ладони начала пузыриться. Хронометр пел — высокая, чистая нота, которая прорезала гул снаружи.

— Открой крышку и направь её на потолок! —скомандовал Корвус.

Элиас нажал на кнопку. Медная крышка откинулась, и изнутри вырвался не свет, а нечто обратное. Это был «луч отрицания» — ослепительно белое сияние, которое не освещало комнату, а стирало из неё тени. Там, где этот свет касался черной жижи на потолке, раздавалось яростное шипение. Тьма отпрянула, съеживаясь и превращаясь в сухие хлопья копти.

Снаружи раздался финальный, захлебывающийся крик, и экипаж рванулся вперед с такой силой, что Элиаса вжало в сиденье. Скрежет когтей прекратился.

Мальчик тяжело дышал, глядя на дымящийся хронометр в своей руке. Он чувствовал себя так, будто из него выкачали всю кровь и заменили её жидким свинцом.

— Первая победа, — Корвус опустил трость. Его лицо снова стало бесстрастным, но в глубине зеркальных глаз на мгновение промелькнуло нечто похожее на одобрение. — Ты

использовал искру Миры. Она защитила тебя, как делала это всегда. Но помни: искра не бесконечна. Каждый раз, когда ты призываешь её, ты сжигаешь часть её памяти. Если ты будешь пользоваться ею слишком часто, однажды ты откроешь хронометр и увидишь там только пустую медь. И тогда твоя сестра исчезнет окончательно. Даже из твоего сердца.

Элиас похолодел. Он посмотрел на хронометр с ужасом, словно держал в руках умирающую птицу.

— Почему вы не сказали мне раньше?

— Знание — это груз, который нужно уметь нести, — Магистр откинулся на спинку сиденья. — Мы приближаемся к границе земель Академии. Посмотри в окно. Сейчас ты увидишь то, ради чего сотни магов готовы продать свои души.

Элиас снова прильнул к стеклу. Туман за окном начал рассеиваться, и его взору открылось зрелище, которое заставило его забыть о страхе и боли.

Впереди, паря в фиолетовом небе, висел гигантский замок. Он не был построен из камня. Он был вырезан из единого, колоссального куска дымчатого кристалла. Тысячи башен, острых и тонких, как иглы, вонзались в облака. Замок постоянно менял форму: башни медленно вращались вокруг своей оси, мосты между ними перестраивались, словно живые щупальца, а по граням кристалла стекали потоки жидко-

го света, образуя светящиеся водопады, падающие в никуда.

Вокруг замка кружили сотни существ, похожих на гигантских скатов, чьи крылья были сотканы из звездной пыли. Это была Академия Разбитых Зеркал — место, где реальность была лишь эскизом, который можно было перерисовать по своему желанию.

Экипаж начал замедляться. Они поехали по мосту, который материализовался прямо под колесами из сверкающей пыли.

— Добро пожаловать, Элиас, — произнес Корвус, когда они остановились перед воротами, представлявшими собой два колоссальных зеркала, в которых отражалось не настоящее, а то, каким этот мир был миллион лет назад. — Твоя старая жизнь сгорела в «Серых холмах». Здесь ты начнешь собирать себя заново. И постарайся не разбиться в первый же день. Разбитые здесь не умирают — они просто отражаются вечно.

ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ ПРАВДЫ (Финал: Ворота Истины)

Экипаж замер. Скрежет когтей существ, тянувших карету сквозь бездну, сменился пугающей, вакуумной тишиной. Элиас чувствовал, как вибрация магического пути всё еще проходит сквозь его подошвы, отдаваясь мелкой дрожью в коленях.

— Выходи, Осколок, — голос Корвуса прозвучал сухо, как треск ломающегося льда. — И помни: в Академии тень идет впереди тебя. Не наступи на неё, если не хочешь почувствовать её боль.

Дверца кареты медленно отворилась, и внутрь ворвался воздух, который Элиас никогда не вдыхал прежде. Он был густым, холодным и на вкус напоминал старое серебро с привкусом грозового озона. Но самым странным был запах — аромат миллионов старых книг, смешанный с запахом замерзшего океана и едва уловимой ноткой лаванды. Элиас почувствовал, как этот воздух буквально обжигает его легкие, выжигая из них последние следы уютской пыли.

Мальчик осторожно ступил на поверхность моста. Под его ногами не было камня — мост состоял из плотного, спрессованного дыма, который при каждом шаге вспыхивал под подошвами синими искрами. Прямо перед ним возвышались Ворота Истины.

Они были колоссальны. Два исполинских зеркальных монолита, уходящих вершинами в фиолетовое небо, где вместо луны сияло гигантское Око Пустоты. Ворота не имели петель; они парили в воздухе, и их поверхность не была гладкой. Она постоянно двигалась, как ртуть под порывами невидимого ветра.

— Эти Ворота не открываются перед телом, Элиас, — Корвус встал рядом, его высокая фигура казалась еще более угрожающей на фоне сияющего кристалла Академии. — Они открываются перед правдой. Посмотри в них. Но не на свое лицо. Смотри на то, что ты оставил за спиной, и на то, что ты принес с собой.

Элиас поднял взгляд. Его отражение в Воротах Истины начало меняться. Сначала он увидел приют «Серые холмы», пожираемый синим пламенем. Он видел лицо миссис Грин, застывшее в агонии, и вдруг понял, что её крик всё еще звучит в его ушах — не как память, а как часть его самого. Но затем отражение подернулось рябью, и Ворота начали показывать ему три варианта его будущего.

В первом отражении он увидел себя в черной мантии Магистра. Его глаза были зеркальными дисками, как у Корвуса, а в руке он держал хрустальную сферу, внутри которой билась в ловушке Мира. Он был могущественным, величественным и абсолютно мертвым внутри.

Во втором отражении он увидел руины Академии. Кристальный замок был разбит на миллиарды осколков, а он сам, окровавленный и изможденный, стоял посреди пустоты, сжимая в руках пустой хронометр. Миры рядом не было. Не было ничего, кроме серого пепла.

В третьем отражении — самом жутком — он увидел не человека. Он увидел существо, сотканное из битого стекла

и теней, которое не имело формы, но обладало его голосом. Оно смеялось, и от этого смеха зеркала ворот пошли глубокими трещинами.

— Что это?! — вскрикнул Элиас, отступая на шаг. Его сердце колотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот разорвет грудную клетку.

— Твои возможности, — бесстрастно ответил Магистр. — Будущее — это не дорога, Элиас. Это зеркальный лабиринт. Одно неверное движение, одна минутная слабость — и ты станешь тем чудовищем из третьего отражения. Или рабом, как в первом. Чтобы войти, ты должен признать их все. Ты должен сказать Воротам, что ты готов к любому из этих финалов.

Элиас почувствовал, как ледяной пот течет по его позвоночнику. Страх был таким осязаемым, что казалось, его можно потрогать руками. Он посмотрел на свои ладони. Они теперь светились призрачным светом, а хронометр в кармане издал долгий, вибрирующий звук, похожий на стон.

— Я... — Элиас замолчал, его голос сорвался. Он вспомнил Миру. Вспомнил её бледное лицо за трещиной на чердаке. — Я принимаю это. Не ради власти и не ради разрушения. Я иду за ней.

Как только слова сорвались с его губ, Ворота Истины издали звук, который не был слышен ушами, но почувствован каждой клеткой тела. Это был стон миллиарда разбивающихся бокалов. Зеркальные монолиты не разошлись в стороны — они растаяли, превратившись в два потока жидкого серебра, которые хлынули по сторонам, открывая путь в самое сердце Академии.

Элиас сделал первый шаг через порог.

В ту же секунду его хронометр в кармане издал последний, резкий щелчок. Стрелка, которая не двигалась годами, совершила полный оборот и... отвалилась. Хронометр замолчал навсегда.

Мальчик понял: мост за его спиной исчез. Приюта больше нет. Мира — где-то впереди, в недрах этого кристального кошмара. А он сам... он больше не Элиас из «Серых холмов». Он — Осколок, первый в истории, чье отражение разбило Ворота Истины еще до того, как он коснулся их рукой.

Впереди, за полосой тумана, открывался внутренний двор Академии, где у фонтанов из черной ртути стояли существа в серых масках, ожидая своего нового господина — или свою новую жертву.

— Иди, — прошептал Корвус, растворяясь в тенях ворот. — Твоя первая ночь в Академии начинается сейчас. И молись, чтобы твои сны не отразились в стенах этой спальни.

Элиас шагнул в сияющую пустоту, и первая глава его новой жизни захлопнулась за ним с оглушительным звоном.

ГЛАВА 2. КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ ТЕНИ

Шаг через порог Академии ощущался не как переход из комнаты в комнату, а как падение в открытый космос без скафандра.

В ту секунду, когда Элиас пересек линию, где мгновение назад стояли Ворота Истины, пространство вокруг него вывернулось наизнанку. Гул бездны, сопровождавший поездку в экипаже, сменился мертвой, пугающей тишиной, которая, казалось, имела физический вес. Этот звук — вернее, его отсутствие — давил на барабанные перепонки с такой силой, что в висках Элиаса запульсировала острая, тонкая боль.

Внутренний двор Академии, открывшийся его взору, не походил ни на один двор, который мог бы существовать на Земле. Под его ногами расстилалась безупречно гладкая поверхность, напоминающая застывшее черное озеро. Элиас посмотрел вниз и вздрогнул: его собственное отражение в этом полу не повторяло его движений. Пока он стоял неподвижно, его «двойник» в глубине черного камня медленно опустился на колени и закрыл лицо руками.

— Не смотри вниз, если не хочешь разделить его печаль, — голос Корвуса донесся откуда-то сверху, хотя Магистр стоял всего в паре шагов. В этом месте акустика подчинялась иным правилам: звуки могли отражаться от пустоты и доно-

ситься с задержкой в несколько секунд.

Элиас поднял голову. Над двором возвышались стены Академии, и они были... живыми. Замок не был построен из камня или кирпича. Он представлял собой колоссальный фрактал из дымчатого кристалла и застывшего света. Башни, острые и тонкие, как иглы огромного дикобраза, уходили в фиолетовое небо, где вместо облаков дрейфовали гигантские зеркальные диски, отражавшие далекие, незнакомые созвездия.

Архитектура постоянно менялась: Элиас видел, как одна из башен медленно втянулась внутрь основной стены, а на её месте тут же выросла винтовая лестница, парящая в воздухе без всякой опоры.

— Твоё пристанище — Башня Потерянных Отражений, — Корвус указал тростью на самое высокое и тонкое строение, стоявшее особняком от основного комплекса. — Она была построена специально для тех, чья суть слишком остра для общих спален. В Академии Осколочных не любят. Осколки ранят. Они вносят хаос в упорядоченную ртуть и лед других факультетов.

Они пошли по двору. Элиас чувствовал запах этого места — сложный, многослойный аромат, в котором смешивались запах озона после грозы, сухой пергамент, горькая полынь

и холодный металл. Навстречу им попадались существа, которых Магистр называл «Слушателями». Это были высокие фигуры в длинных серых одеждах, у которых вместо лиц были гладкие, плоские зеркальные маски. Когда они проходили мимо, Элиас видел в их «лицах» самого себя, но в каждом отражении он был другим: в одном — стариком, в другом — скелетом, в третьем — младенцем.

— Они не говорят, — прошептал Корвус. — У них нет имен, потому что они отдали свои отражения Академии в обмен на бессмертие. Теперь они — лишь эхо тех, кто жил здесь тысячи лет назад.

Подъем в Башню стал для Элиаса настоящим испытанием. Лестница, ведущая вверх, была сделана из прозрачного стекла, и под каждой ступенью зияла бесконечная бездна. С каждым шагом воздух становился всё разреженнее и холоднее. Элиас чувствовал, как иней начинает кристаллизоваться на его ресницах.

На последней площадке, на высоте птичьего полета, находилась единственная дверь, обитая чешуей какой-то зеркальной рептилии. Магистр приложил хрустальный набалдашник трости к замку, и дверь не открылась — она просто растаяла, превратившись в густой, пахнущий лавандой туман.

— Входи, Элиас, — Корвус остался снаружи, его фигура

в сумерках казалась вырезанной из ночи. — Это твоя колыбель. Стены здесь помнят твою сестру. Она спала в этой комнате до того, как... решила, что отражение важнее оригинала.

Элиас шагнул внутрь.

Комната была круглой и полностью состояла из окон. Здесь не было стен в привычном смысле — только узкие переплеты из темного металла, удерживающие огромные листы дымчатого стекла. В центре комнаты стояла кровать, балдахин которой был соткан из настоящих теней. На массивном письменном столе стояла лампа, внутри которой вместо огня бился пойманный светлячок размером с кулак.

Но самое пугающее было в углах. Там стояли зеркала. Десятки зеркал всех форм и размеров: овальные, квадратные, треснувшие, закопченные. Они были повернуты друг к другу, создавая бесконечный коридор отражений, в котором Элиас увидел тысячи своих спин, уходящих в темноту.

Он поставил свой поношенный чемодан на пол. Звук удара дерева о камень прозвучал как выстрел. Элиас сел на кровать. Она была жесткой и холодной, как лед.

— Мира... — выдохнул он в тишину.

— Мира не слышит тебя через обычные слова, — раздался голос из угла.

Элиас вскочил. В тени за одним из больших зеркал сидел кот. Но это не был обычный кот. Его шерсть состояла из тончайших стеклянных ворсинок, которые при каждом движении издавали мелодичный, хрупкий звон. Его глаза были двумя пустыми линзами, в которых отражалось не то, что было перед ним, а события, происходившие где-то в другом мире.

— Я Стеклярус, — представился кот, не открывая рта. Голос рождался прямо в сознании мальчика. — Я Хранитель этой Башни и твой единственный шанс не сойти с ума до рассвета.

— Кот из стекла? — Элиас медленно подошел к нему. — Магистр сказал, что эта комната помнит Миру.

— Она помнит не её лицо, а её страх, — Стеклярус лениво лизнул лапу, и раздался звук, похожий на заточку бритвы. — Посмотри на стену над кроватью. Что ты видишь?

Элиас обернулся. На прозрачном стекле окна, прямо над подушкой, были выцарапаны буквы. Они были почти невидимы, пока лунный свет не упал на них под определенным углом.

«НЕ ВЕРЬ ТЕМ, КТО УЛЫБАЕТСЯ В ЗЕРКАЛЕ. ОНИ ПРОСТО ХОТЯТ ТВОЮ КОЖУ».

Элиас почувствовал, как по позвоночнику пробежала ледяная судорога. Он посмотрел на кота.

— Это написала она?

— Она написала это своей собственной тенью в последнюю ночь перед тем, как Корвус забрал её в Зал Разбитых Сердец, — Стеклярус прыгнул на пол. — Слушай меня внимательно, Осколок. Сегодня твоя первая ночь. Стены этой башни будут шептать тебе голосом Миры. Они будут обещать тебе спасение, если ты просто коснешься стекла. Не делай этого. Если ты приложишь ладонь к окну после полуночи, замок выпьет твою память так же быстро, как ты выпиваешь стакан воды.

Элиас сжал в кармане свой сломанный хронометр. Тот внезапно начал вибрировать, медленно нагреваясь.

— Почему Корвус привел меня именно сюда? — спросил мальчик.

— Потому что ты — наживка, — кот запрыгнул на стол и устался на спящего светлячка в лампе. — Корвус не ищет Миру. Он ищет то, что она украла из Сердца Академии — Великий Осколок Истины. Он думает, что ты, как её кровный брат, притянешь этот Осколок к себе. Ты для него —

компас. Но помни: когда компас указывает на сокровище, хозяин часто выбрасывает его, чтобы освободить руки.

Элиас подошел к окну. За стеклом парил замок. Теперь, в ночной темноте, он казался еще более жутком. По мостам перемещались крошечные огни — это были патрули Слушателей.

Внезапно одно из зеркал в углу комнаты ярко вспыхнуло. Элиас обернулся. В овальном зеркале в серебряной раме он увидел... самого себя. Но это был не он. Отражение в зеркале медленно подняло руку и начало выцарапывать на внутренней стороне стекла слово.

Элиас подошел ближе, затаив дыхание.

На стекле со скрипом проявлялись буквы: «Б-Е-Г-И».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.